

Marek Cieszkowski, Jolanta Mędelśka
Bydgoszcz

О раннем варианте немецкого советского языка¹
(на материале Русско-немецкого словаря
А. Ф. Несслера)

Уже несколько лет успешно изучается т. н. советский² польский язык, т. е. вариант общенародного языка, на котором общались поляки, проживавшие после Октябрьской революции на территории Советского Союза. Советским польским языком он назван быдгощскими исследователями³. Особый интерес – по вполне понятным причинам – вызывает его самая ранняя, послереволюционная версия⁴, к исследованию которой призвала Барбара Шидловска-

¹ В настоящей статье речь пойдет о лексических советизмах, однако в национальных языках, употреблявшихся на территории СССР, имели место и некоторые другие – кроме лексических – изменения, произошедшие под влиянием русского языка (м. др. изменения рода имен существительных). Наличие советской лексики – это только один из характерных признаков советских вариантов национальных языков.

² О советизации русского языка см. м. др.: А. М. Селищев, *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)*, Москва 2003; А. Д. Дуличенко, *Русский язык конца XX столетия*, München 1994 (глава III.: *Смена лексических парадигм*, 1. *Кое-что о советизмах*, с. 99-114); В. Г. Костомаров, *Перестройка и русский язык*, „Русская речь” 1987, № 6, с. 3-11; он же, *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*, Москва 1994; В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, *Толковый словарь языка Совпедии*, Санкт-Петербург 1998.

³ См.: J. Mędelśka, M. Marszałek, *Kuśak czy gbur? Rozterki twórców polszczyzny radzieckiej*, „Przegląd Polonijny” XXVI, 2000, № 3, s. 121-139; они же, *Twórzmy słownik polskiego języka radzieckiego!*, „Poradnik Językowy” 2000, № 8, s. 38-48. Ср. также: И. Мэндэльска, *Советский польский язык как новый объект лингвистических исследований. К постановке вопроса*, „Zinatkiskie Raksti” III, 2001, Riga, s. 174-180; М. Маршалэк, *Из исследований над советским польским языком (1917-1939)*, „Zinatkiskie Raksti” III, 2001, Riga, s. 167-173.

⁴ J. Mędelśka, M. Marszałek, *Z badań nad językiem Polonii radzieckiej lat 1917-1939*, [w:] Ł. M. Szewczyk, M. Czachorowska (red.), *Język polski w rozwoju*, Bydgoszcz, 2001, s. 111-121; И. Мэндэльска, *Проблемы исследования послереволюционного варианта советского польского языка*, „Scando-Slavica” 2001, № 47, s. 53-61; она же, *О языке польских меньшинств в СССР в 20-е-30-е годы XX века*, в сб.: *Вторые Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения*, Севастополь 2008, с. 154-161; она же, *Об изучении послереволюционной разновидности советского польского языка* (в печати).

Цеглѣва, познанский языковед, еще во второй половине 90-х гг. XX столетия⁵.

Активно изучается московская разновидность советского польского языка, употреблявшегося в период между двумя мировыми войнами⁶, а также польский советский язык того же периода в Белоруссии⁷. Опубликованы статьи и материалы о польском языке межвоенного периода в Украине⁸. Польский язык в Литве указанного времени с трудом укладывается в рамки, начерченные Б. Шидловской-Цеглѣвой⁹, однако некоторые черты, характерные для советских языков интересующего нас периода, вскрываются и в нем¹⁰.

⁵ B. Szydłowska-Ceglowa, *Język polski w Rosji porewolucyjnej i ZSRR (do roku 1935)*, „Język Polski” LXXVII, 1997, № 4-5, s. 251-8.

⁶ Кроме работ, указанных выше, см. м. др.: T. Graczykowska, *Język cyklu reportażu „Płomień i próchno” Wandy Wasilewskiej na tle polszczyzny radzieckiej*, „Linguistica Bidgostiana” II, 2005, s. 96-105; она же, *Rusycyzmy i sowietyzmy we Wspomnieniach Wandy Wasilewskiej*, „Linguistica Bidgostiana” IV, 2007, s. 158-170; она же, *Rusycyzmy i sowietyzmy w tekstach Tomasza Dąbala (przedstawiciela polskich komunistów przebywających w okresie międzywojennym w ZSRR)*, [w:] E. Laskowska, M. Jaracz (red.), *Język, historia, polityka*, Bydgoszcz 2007, s. 39-49; она же, *Wpływ sytuacji politycznej na jakość polszczyzny tygodnika „Trybuna Radziecka” wydawanego w ZSRR w dwudziestoleciu międzywojennym*, [w:] E. Laskowska, M. Czachorowska (red.), *Język, społeczeństwo, wartości*, Bydgoszcz 2008, s. 137-149; И. Киселѣва, *Советский польский язык в России до II Мировой войны*, [w:] E. Laskowska, M. Jaracz (red.), *Język, historia, polityka*, Bydgoszcz 2007, s. 87-92.

⁷ I. Grek-Pabisowa (oprac.), *Materiały do historii języka polskiego na Białorusi Radzieckiej*, „Acta Baltico-Slavica” XXVI, 2001/2002, s. 179-272; она же, *Wokół monografii Czesława Dąbrowskiego pt. Ze słownictwa i gramatyki języka ludności polskiej na Białorusi Sowietkiej*, „Acta Baltico-Slavica” XXVIII, 2004, s. 9-34; она же, *Z badań języka polskiego na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym*, [w:] A. Kuczyński, M. Michalska (red.), *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie. Tradycja i współczesność*, Wrocław, 2004, s. 141-149; I. Grek-Pabisowa, M. Ostrówka, M. Biesiadowska-Magdziarz, *Język polski na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym. Polszczyzna mówiona*, Warszawa 2008; они же, *Język polski na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym. Polszczyzna pisana*, Warszawa 2008. Ср. Также: J. Mędelka, M. Marszałek, *Język polski na Białorusi Radzieckiej okresu międzywojennego (kilka uwag na gorąco)*, „Acta Baltico-Slavica” XXVII, 2003, s. 63-71; T. Graczykowska, *Język polski w Rosji Radzieckiej w okresie międzywojennym a polszczyzna na Białorusi Radzieckiej (na materiale wybranych zagadnień fleksji rzeczownika)* (в печати).

⁸ I. Cechosz, E. Dzięgieł, *Materiały archiwalne do historii języka polskiego na Ukrainie Sowietkiej przy końcu lat dwudziestych*, [w:] J. Rieger (red.), *Język polski dawnych Kresów Wschodnich. Tom I. Studia i materiały*, Warszawa, 1996, s. 201-221; Stroński H., *O władaniu mowa ojczystą przez ludność polską na Ukrainie w połowie lat dwudziestych*, [w:] J. Rieger (red.), *Język polski dawnych Kresów Wschodnich. Tom I. Studia i materiały*, Warszawa, 1996, s. 175-199.

⁹ Литва вошла в состав Советского Союза только 3 VIII 1940 г., но зато процесс советизации как литовского, так и других языков, употреблявшихся на её территории, начался мгновенно.

¹⁰ J. Mędelka, M. Marszałek, *Kowieńskie „Nowe czytanki”. Nowe państwo, nowa ideologia, nowy język*, „Przegląd Polonijny” XXVIII, 2002, nr 1, s. 99-112; J. Mędelka, *Siedmiolatki i polityka. Język kowieńskich Nowych czytanek*, [w:] E. Laskowska, M. Jaracz (red.), *Język, historia, polityka*, Bydgoszcz, 2007, s. 101-112.

Недавно мы призвали лингвистов к тщательному изучению ранних советских вариантов других, кроме польского, языков¹¹. Имелись в виду языки всех народностей, проживавших в послереволюционное время в Советском Союзе, с особым, однако, учетом тех национальных меньшинств, у которых в 20-е и 30-е гг. XX в. были свои независимые государства (исторические родины) вне страны советов.

Известно, что после Октябрьской революции 1917 г. на территории Советского Союза проживало 160 миллионов граждан. Около 57% от этого числа составляли лица нерусские по происхождению. В повседневной жизни они пользовались 150 языками¹². Следует подчеркнуть, что свои государства вне Советского Союза имели в то время¹³ несколько миллионов советских граждан. Это между другими немцы (1238 тыс.), поляки (782 тыс.), греки (213 тыс.), эстонцы (154 тыс.), латыши (141 тыс.), финны (135 тыс.), болгары и сербы (114 тыс.)¹⁴. Представители именно этих национальных меньшинств в подавляющем большинстве¹⁵ не составляли в СССР компактных скоплений, а были рассеяны по всей большой территории необъятной страны. Миколай Иванов¹⁶ отмечает, что это было главным образом деревенское население, которого почти не коснулись ассимиляционные процессы. Именно этот фактор самым существенным образом ограничивал возможности распространять на этих людей новую идеологию. Советские власти вынуждены были выработать по отношению к каждой из народностей свою политику, которая учитывала бы ее особенности, ее характерные черты, ее потребности, поскольку данные национальные группы объединяло всего лишь наличие буржуазного государства вне Советского Союза. На выбор конкретной политики повлияло м. др. экономическое положение исторической родины, характер отношений между ней и СССР, а также роль, какую играла в данной стране коммунистическая партия, и позиция, занимаемая этой партией в Коминтерне (Коммунистическом Интернационале).

В марте 1921 г. X Съезд РКП(б) провозгласил новую национальную политику, которая предусматривала значительное расширение прав всех национальных меньшинств и декларировала всестороннюю помощь и поддержку в развитии и укреплении административных и экономических органов, действующих

¹¹ J. Mędelska, M. Cieszkowski, *O potrzebie podjęcia badań nad radziecką wersją języków mniejszości narodowych byłego Związku Radzieckiego*, „Acta Baltico-Slavica” XXXII, 2010 (в печати).

¹² M. Iwanow, *Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921-1939*, Warszawa – Wrocław, 1991, s. 29.

¹³ Данные переписи населения 1926 г.

¹⁴ Там же, с. 39.

¹⁵ За исключением поляков из Белоруссии и Украины, а также финнов, проживавших в Карелии и окрестностях Калининграда.

¹⁶ Там же.

на национальных языках и состоящих из представителей меньшинств, а также развитие на национальных языках литературы, печати, театров, школ, клубов и других культурно-массовых и профессионально-технических учреждений¹⁷. Стали создаваться различные творческие объединения и ассоциации, м. др. ВО-АПП (Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей), МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей), МБРЛ (Международное бюро революционной литературы¹⁸), МОРП (Международное объединение революционных писателей¹⁹), МОРТ (Международное объединение революционных театров²⁰), имеющие свои отделения (секции), которые работали на национальных языках. В подобные организации вступали известные писатели и поэты, в том числе представители национальных меньшинств, такие как поляк Бруно Ясенский²¹ или немец Йоханнес Р. Бехер²², но главным образом в такого рода ассоциации принимали партийных работников из крестьянского и рабочего сословий, занимавшихся массовой пролетарской литературной продукцией.

В результате введения в жизнь т. н. новой (ленинской) национальной политики стали массово, огромными тиражами, выпускаться различные материалы на национальных языках: газеты, журналы, книги, школьные учебники, словари, различные документы, отчеты, пропагандистские материалы. Цель этой бумажной продукции – помочь властям обрабатывать представителей национальных меньшинств в духе коммунистической идеологии, пропагандировать эту идеологию, а также воздействовать идеологически вне СССР. Однако лингвисты не должны пренебрегать этой «литературой», она – ценнейший источник сведений об изменениях национальных языков послереволюционного периода. К сожалению, ко всем этим языковым кодам применимы слова Ирины Киселевой, касающиеся следов польского советского языка: «К сожалению, в наши дни поиски в России польских печатных материалов того времени оказываются часто безрезультатными, поскольку многие документы,

¹⁷ М. Iwanow, указ. соч., с. 35.

¹⁸ Эта организация, основанная в 1925 г., пятью годами позже была переименована в МОРП. Её печатным органом стал журнал «Литература мировой революции». Он издавался на 4 языках (К. Jaworski, *Bruno Jasiński w sowieckim więzieniu. Aresztowanie, wyrok, śmierć*, Kielce 1995, s. 19).

¹⁹ Оно просуществовало 10 лет: 1925-1935 (см. НССРЯ, с. 356).

²⁰ МОРТ основан в Москве в 1929 г. Цель этой организации – направить работу самостоятельных революционных пролетарских театров в русло классовой борьбы и преобразовать их в т. н. агиткультбригады (К. Jaworski, указ. соч., с. 30).

²¹ Кроме литературной и политической деятельности, Б. Ясенский занимался также польским советским языком, ср.: Jasiński В., *O rewolucję językową*, „Kultura mas” 1929, nr 1-2, s. 11-13; он же, *Twórzmy polski język radziecki!*, „Kultura mas” 1930, nr 3-4, s. 5.

²² Поэт (1891-1958), на чьи слова написан гимн бывшей ГДР. В 1933-1945 гг. проживал в СССР, был редактором журнала „Internationale Literatur Deutsche Blätter“, издаваемого в Москве (там же, с. 70).

став неактуальными, были уничтожены, и сейчас языковые данные довоенного периода приходится собирать по крупицам»²³. Польские материалы на раннем советском языке активно изучаются²⁴, немецкие же только начинают изучаться²⁵.

Цель настоящей статьи – продолжить предварительное исследование раннего варианта советского немецкого языка, на этот раз – на материале московского русско-немецкого словаря. Однако прежде чем перейти к анализу собранного языкового материала, необходимо рассказать в нескольких словах о немецких скоплениях в России и в Советском Союзе.

Немцы составляли самую многочисленную национальную группу среди меньшинств, у которых была своя страна вне СССР. Кроме того, они, как и поляки, принадлежали к числу народностей, массово истребляемых советскими властями.

Представители германских народов появились еще на Руси. Миссионеры Папы Римского предлагали князьям принять католичество, имели место династические связи, развивалась торговля. В XV-XVI вв. прибывали на службу в Россию немецкие врачи, аптекари, правоведы, архитекторы, камнетесы, мастера по отливке колоколов и другие специалисты. Стали основываться немецкие слободы. Проживали в них – главным образом – ремесленники. При Петре I значительно увеличилось число иностранцев, прибывших в Россию из германских стран. Они получили большие привилегии. Царь привлекал их на военную службу, использовал при проведении денежной реформы, а также в торговле, в медицинском обслуживании. «Немцы и другие выходцы из Западной Европы в годы правления Петра подняли на современный уровень такие отрасли российской экономики, как горнодобывающая промышленность, черная и цветная металлургия, оружейное и пушечное дело и многие другие»²⁶.

Массовый приезд в Россию немецких сельских поселенцев связан с призывом Екатерины II (указ от 22 VII 1763 г.), мечтавшей воспитать русских крестьян в духе немецкого трудолюбия²⁷. «Немецкие колонисты должны были явить пример рачительности, деловитости, предприимчивости, прежде всего, русскому населению в целом [...]»²⁸. Процесс оседания в России немецких колонистов продолжался до 70-х гг. XIX в.

Большинство немцев поселялось на Украине и в Поволжье, в конце XIX в. т. н. поволжских немцев было уже ок. 1,8 млн. До Первой мировой войны немец-

²³ Указ. соч., с. 88.

²⁴ Ср. примечания 1-6 к настоящей статье.

²⁵ J. Mędelska, M. Cieszkowski, указ. соч.

²⁶ А. А. Герман, Н. Р. Плеве, *Немцы Поволжья: краткий исторический очерк*, Саратов 2002, с. 9.

²⁷ М. Iwanow, указ. соч., с. 40.

²⁸ А. А. Герман, Н. Р. Плеве, указ. соч., с. 6.

кое национальное меньшинство играло исключительно важную роль в русской промышленности, сельском хозяйстве, различных учреждениях, а также в армии²⁹. Однако «немцы никогда не представляли в России единого народа»³⁰. Одну из самых крупных этно-региональных групп составили т. н. немцы Поволжья.

Во время Первой мировой войны часть немецкого населения России подверглась репрессиям³¹, ср.: «В связи с войной российское правительство принимает законы об экспроприации земельных владений лиц немецкой национальности в западных губерниях»³². Со временем эти законы распространились на другие губернии и области. В 1915 г. готовился указ о выселении в Сибирь – с весны 1917 г. – всех немцев Поволжья. Однако после победы Февральской революции действия по ликвидации немецкого национального скопления приостановились.

В апреле 1917 г. состоялся Первый конгресс 334-х полномочных представителей немецкого населения Поволжья, образовалась общенациональная организация «Немцы Поволжья». В июле стала издаваться газета на немецком языке «Saratower deutsche Volkszeitung»³³. В конце 1917 г. в Поволжье были национализированы предприятия немецкой буржуазии и конфискована крупная частная собственность колонистов. Руководители «Немцев Поволжья» подверглись преследованиям, газета «Saratower...» закрылась³⁴.

На основании мирного договора, подписанного с Германией в марте 1918 г., немцам, проживавшим в России, разрешалась эмиграция в Германию в течение десяти лет³⁵. В 1918 г. был создан Поволжский комисариат по немецким делам и утвержден декрет «О создании Области немцев Поволжья».

В сентябре 1919 г. начался т. н. «военный коммунизм»: реквизиции скота, лошадей, ослов и продовольствия³⁶. В 1919-1920 гг. власти провели «продразверстку, приведшую к полному изъятию продовольствия из немецких сел и голоду»³⁷. Голод, длившийся с осени 1920 г. до осени 1922 г., унес десятки тысяч жизней.

В декабре 1923 г. Область немцев Поволжья преобразовали в Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья. В августе 1925

²⁹ М. Iwanow, указ. соч., с. 41.

³⁰ А. А. Герман, Н. Р. Плева, указ. соч., с. 8.

³¹ М. Iwanow, указ. соч., с. 39.

³² А. А. Герман, Н. Р. Плева, указ. соч., с. 137.

³³ Так, с ошибками, даёт это заглавие наш источник.

³⁴ А. А. Герман, Н. Р. Плева, там же.

³⁵ Однако, как замечает М. Иванов, воспользовалось этой возможностью на удивление мало представителей немецких скоплений. По всей вероятности, немцы, поселившиеся в России, считали её своей новой родиной (указ. соч., с. 39).

³⁶ T. Lebioda, *Niemcy rosyjscy w polityce RFN na tle ich znaczenia w Rosji i relacjach niemiecko-rosyjskich w latach 1763-2003*, Wrocław 2004, s. 189.

³⁷ А. А. Герман, Н. Р. Плева, с. 138.

г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «о признании республике ряда льгот, призванных способствовать развитию экономических и культурных связей с Германией, укреплению „политического значения” АССР НП за рубежом»³⁸. В течение нескольких лет успешно восстанавливается экономика АССР НП³⁹, в Покровске⁴⁰ в 1929 г. открывается Немецкий государственный педагогический институт.

С сентября 1929 г. по июль 1931 г. ликвидируются индивидуальные крестьянские хозяйства, в АССР НП проводится сплошная коллективизация. Против насилия немцы организуют сопротивление, восстают крестьяне в селе Мариенфельд. С февраля 1930 г. массово «раскулачиваются» немецкие крестьяне в Поволжье, ведется специальная масштабная кампания по этому делу, столица Покровск переименовывается в Энгельс. С осени 1932 г. по осень 1933 г. «в связи с полным изъятием продовольствия массовый голод населения АССР ПН. От голода умерло свыше 50 тыс. человек»⁴¹. В конце 1934 г. начинается репрессивная кампания против советских немцев, толчок к которой дала директива о борьбе с фашистами и их пособниками среди немецкого населения СССР. Репрессируются десятки тысяч немцев, представители руководства АССР НП арестовываются и расстреливаются. После нападения Германии на СССР 28 августа 1941 г. издан «указ „О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья”, официально обвинивший поволжских немцев в пособничестве агрессору»⁴². Депортация немецкого населения в Сибирь и Казахстан была проведена с 3-го по 20-е сентября 1941 г. Власти разбросали советских немцев по всей этой бескрайней территории⁴³.

Как упоминалось выше, важнейшим инструментом привлечения немцев к большевистской идеологии было установление немецкого официальным языком АССР НП и – связанное с этим – предоставление им возможности обучать детей на родном языке (с 1919 г.), развивать свою национальную культуру. Таким образом, как немецкий язык, так и культура стали самым надежным инструментом агитации и пропаганды коммунистической идеологии в среде советских немцев. Новыми властями была построена во всей стране однородная система просвещения, опиравшаяся на принцип «социалистического воспитания молодежи». Согласно этому принципу воспитывались и молодые немцы. Как считает Тадэуш Лебеда, – это была та цена, которую пришлось заплатить советским немцам за языковую свободу⁴⁴.

³⁸ Там же.

³⁹ Это происходит на базе Новой экономической политики.

⁴⁰ Столица АССР НП.

⁴¹ А. А. Герман, Н. Р. Плева, с. 138.

⁴² Там же.

⁴³ WE PWN, с. 425.

⁴⁴ Указ. соч., с. 199.

Традиционные немецкие школы преобразовались в 4-летние начальные, после окончания которых дети переходили в средние 7-летние школы (со временем – в 10-летние). Уже в 1921 г. в АССР НП работало 317 немецких начальных школ и 23 средние. После их окончания немецкая молодежь могла поступать в техникумы, педагогические, сельскохозяйственные и медицинские училища. В конце 30-х гг. в республике действовало 5 вузов, 11 технических высших учебных заведений и высшая музыкальная школа. Эту разветвленную систему просвещения дополняли немецкий национальный и детский театры, а также государственные издательства⁴⁵. Издательства в половине 30-х гг. выпускали на немецком языке 555 названий общим тиражом свыше 2,8 млн экземпляров, в том числе школьные учебники (тиражом ок. 1,5 млн экземпляров). Среди этой печатной продукции преобладали работы по марксизму-ленинизму, а также антирелигиозная литература⁴⁶.

Есть все основания предполагать, что советская издательская продукция на немецком языке была столь же внушительной по своему объему, как и соответствующая польскоязычная продукция, и – к этому – отличалась точно таким же суконным идейно-пропагандистским характером. К примеру, брошюры, опубликованные покровским издательством Немгосиздат в 1928 г., рассказывали о промышленности, развиваемой в АССР НП (напр.: *Unsere Staatsindustrie*), о советском сельском хозяйстве (напр.: *Unsere Landwirtschaft*), о профсоюзах (напр.: *Die professionellen Verbaende*), о советской системе здравоохранения (напр.: *Unser Gesundheitsschutz*), о юбилее 10-летия АССР НП (*Zehn Jahre wolgadeutsche Autonomie*)⁴⁷.

В 30-е гг. XX в. уже остро ощущался глубокий недостаток иноязычных соответствий огромного числа русских новообразований, главным образом – советизмов, т. е. слов и словосочетаний, называющих реалии жизни в Советском Союзе, но также всяких других русских неологизмов, напр. научно-технических терминов, появляющихся в большом количестве именно в первые десятилетия XX в. Дело в том, что советские власти, стараясь, с одной стороны, скрыть от всего мира крайне убогий, по-настоящему нищенский быт своих граждан, с другой же – не дать своим гражданам возможности увидеть нормальные условия жизни в успешно развивающихся буржуазных государствах, почти полностью отгородили их от общения с другими странами. Эти действия распространялись также на иностранную прессу и литературу, что лишило представителей национальных меньшинств не только непосредственного, но и опосредованного контакта с их родной культурой и настоящим, живым языком. Как правило, представители меньшинств, общаясь на своих народных языках, вводили в речь множество русской лексики, наскоро приспособивая

⁴⁵ Напр.: Nemgosizdat (Немгосиздат) – Немецкое государственное издательство.

⁴⁶ T. Lebioda, с. 200.

⁴⁷ См.: J. Mędelska, M. Cieszkowski, указ. соч.

ее к системе родных языков. Ситуация созрела для кодификации, тем более, что новая ленинская национальная политика привела к массовой продукции печатных материалов на национальных языках. Эти материалы, как упоминалось выше, касались прежде всего политики, идеологии, индустрии, сельского хозяйства, проблем советского быта, т. е. именно таких тем, которые остро нуждались в новой лексике.

В конце 20. гг. престижным издательством «Советская энциклопедия» стали выпускаться двуязычные словари общего типа: русско-иноязычные и иноязычно-русские, насчитывающие ок. 60-70 тысяч словарных статей, т. е. довольно объемные. Перед их составителями встала непростая задача. В предисловии к русско-немецкому словарю так писал об этом его главный редактор А. Ф. Несслер: «[...] трудность заключалась в том, что очень многие понятия, ставшие в Советском Союзе доступными и близкими всем и каждому, порой совсем еще чужды современному немцу, а потому и не нашли подходящей, вполне точно выражающей их истинный смысл передачи на немецкий язык (напр. *выдвиженец*, *пятилетка*, *хлебозаготовки*, *чистка*). И так как всякое новое слово любого языка почти всегда создается не отдельной личностью, не кабинетным путем, а коллективом, или по крайней мере нуждается для своего существования хотя бы в бессознательной санкции коллектива, то здесь составитель словаря оказывается в особо затруднительном положении. Только в крайне редких случаях он имеет право рискнуть дать свой перевод нового слова, и то лишь в описательной форме [...]; он в силах сделать только одно – подыскать, зафиксировать и дать все то, что в имеющемся старом и новом словарном материале немецкого языка наиболее точно передает понятия, созданные новой советской жизнью во всех ее областях»⁴⁸.

Большой интерес для изучающих советский немецкий язык представляют русско-немецкие словари, издаваемые в Москве в 30-е гг. XX столетия, в частности – упомянутый выше *Русско-немецкий словарь (Russisch-Deutsches Wörterbuch)*. Представляется возможным проследить на отраженном в нем материале начальный этап советизации немецкого языка, упортеблявшегося в СССР, а также всякие другие изменения, происходившие в этом национальном коде, например, окостенение лексики и грамматической системы как следствие полной изолированности советских немцев от их этнической территории. Аналогичные попытки успешно предпринимались по отношению к советскому польскому языку, отраженному в русско-польских словарях изучаемого периода⁴⁹.

⁴⁸ *Русско-немецкий словарь – Russisch-Deutsches Wörterbuch*, Москва 1934, с. 2.

⁴⁹ См. м. др.: А. Глогов, *Образ советской действительности 30-х годов в польско-русском и русско-польском словаре московского издания 1941 года (моральный и культурный аспекты)*, [w:] А. Bartoszewicz (red.), *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe. 2.: Językoznawstwo i translatoryka*, Olsztyn 1994, s. 249-256; P. Tomasiak, *Ideologia*

В настоящей статье мы ограничились изучением языкового материала в пределах буквы *Б*, а точнее – некоторыми языковыми фактами, отраженными этой частью русско-немецкого словаря.

Просматривая вокабулы, включенные в наш словарь, мы главным образом обращали внимание на лексику, характерную для новой советской жизни, т. е. сосредоточились на таких русских словах и словосочетаниях, которые называли предметы и понятия, в новых политических условиях ставшие необходимыми в повседневном общении всех советских граждан, в том числе и местных немцев. Выписывалась лексика, помещенная в правой части словаря, а именно особые немецкие слова и словосочетания, такие, которые, по всей вероятности, не выступали в общенемецком языке изучаемого периода, или же встречались в нем крайне редко. Выборка проверялась во многотомном немецком толковом словаре 60-х гг. XX в. (WDGS), включающем, что здесь существенно, лексику, употребляемую в ГДР, и в основном немецком этимологическом словаре (EWDS), а также – непоследовательно – в некоторых других словарях, в том числе переводных. Русские вокабулы, в свою очередь, проверялись в ТСПЯ, основном толковом словаре, охватывающем лексику исследуемого здесь периода, иногда – и в некоторых других словарях русского языка.

Займствования из восточных языков

В РНС прежде всего обратили на себя наше внимание русские заголовочные слова, заимствованные из восточных языков (ориентализмы). У них не было готовых немецких соответствий, поэтому составитель словаря, подбирая переводные эквиваленты, чаще всего прибегал к транслитерации (побуквенной передаче русской языковой единицы при помощи букв немецкого алфавита). Итак, в пределах буквы *Б* зафиксированы следующие переводные соответствия этого типа (жирным шрифтом обозначены те соответствия, которые на этом месте описываются):

Balyk, *gedörrter Störrücken* (статья *балык*, с. 52); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСПЯ: тюрк. ‘Соленая и провяленная хребтовая часть красной рыбы’);

Baschlik, *Kapuze* (статья *башлык*, с. 56); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСПЯ: тюрк. ‘Теплый головной убор, надеваемый чаще поверх шапки – суконный капюшон с длинными концами’);

w skrócie. Obraz Związku Radzieckiego lat 20. XX w. utrwalony w skrótowcach rosyjskich, [w:] E. Laskowska, M. Jaracz (red.), *Prace Komisji Językoznawczej BTN. Język, historia, polityka*, Bydgoszcz 2007, s. 161-165; J. Mędelska, *Nowe, radzieckie realia odzwierciedlone w moskiewskim słowniku rosyjsko-polskim wydanym w latach 30. ubiegłego wieku*, [w:] E. Laskowska, M. Czachorowska (red.), *Język, społeczeństwo, wartości*, Bydgoszcz 2008, s. 275-285.

Beg, Bei, Bey (статья *бей, бек*, с. 64); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: тур. ‘в старой Турции – титул мелкого вассального князя; теперь – прибавка к имени, в знач. господин’);

Bram, Beiram (статья *байрам*⁵⁰, с. 49); WDGS, EWDS не фиксируют (нет записи в ТСРЯ, регистрирует ССРЛЯ, см. СССРЛ);

Burka [*kaukasischer zottiger (Filz)Mantel*] (статья *бурка*, с. 95); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: ‘Род плаща или накидки из валяного войлока и козьей шерсти на Кавказе’).

Другой способ перевода ориентализмов, употребляемых в русском языке, на немецкий, – это подача новообразования, передающего значение переводимой словарной единицы (на начальном этапе исследований невозможно определить, было ли это новообразование, предложенное составителем словаря, или же стихийно созданное советскими немцами и включенное в обиход), ср.:

Kürbisfeld (статья *бахча*, с. 56); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: перс. обл. ‘Поле, засеянное арбузами, расположенное в степи, вдали от усадьбы (на юге)’);

Melonengarten (статья *бахча*, с. 56); WDGS, EWDS не фиксируют; см. выше *Kürbisfeld*.

Ориентализмы, не встречающиеся в общенемецком языке, переданы А. Ф. Несслером также другим методом, а именно описанием значения (вместо подачи текстового соответствия), ср.:

gedörrter Störrücken (статья *балык*, с. 52); см. выше *Balyk*.

Встретились также случаи перевода при помощи гиперонимов, т. е. более общих понятий, чем содержание заголовочного слова, ср.:

Joppe ‘куртка’ (статья *бешмет*, с. 73) (ТСРЯ: тат. ‘Стеганный полукафтан’);

Kapuze ‘капюшон’ (статья *баишлык*, с. 56); см. выше *Baschlik*.

Своеобразный слой заимствований из восточных языков – это также названия народов и народностей, заселявших в межвоенный период СССР. А. Ф. Несслером они введены в корпус словаря, зафиксированы также их дериваты. Данная группа лексики включает следующие примеры:

Balkar (статья *балкарец*, с. 51); в ТСРЯ существительного *балкарец* нет, но фиксируется *балкарка* как женск. к *балкар*, см. *балкары* ‘одна из тюркских народностей на Кавказе’; форму *балкарец* отметил ССРЛЯ, см. СССРЛ;

Balkaren* (статья *балкарский*, с. 51); звездочка обозначает, наверное⁵¹, что данное слово образовано А. Ф. Несслером;

balkarisch (статья *балкарский*, с. 51); см. *Balkaren*,

⁵⁰ ‘Название двух трехдневных мусульманских праздников’ (СРЯ).

⁵¹ Роль этой звездочки автором не указана, но это общепринятое в языкознании обозначение реконструкции.

Baschkire (статья *башкирец*, с. 56); ТСРЯ: *башкирцы* и *башкирец* – устар.; см. *башкиры*;

baschkirisch (статья *башкирский*, с. 56);

Burjäte (статья *бурят*, с. 95);

Burjätin (статья *бурятка*, с. 95).

Названия народов и народностей СССР и их дериваты (имена прилагательные, женские формы мужских названий) – это тот слой словарного запаса, в котором, вне всяких сомнений, не нуждались немцы, проживавшие в межвоенный период в Германии, но который оказался необходимым советским немцам.

Как видно, различные заимствования из восточных языков, малопригодные гражданам Германии и поэтому не фиксирующиеся немецкими словарями, стали несомненно нужными словами даже в повседневном общении советских немцев, сталкивающихся с представителями многочисленных народов и народностей Советского Союза, их бытом и культурой. Известно, что ориентализмы часто использовались, к примеру, советской прессой, описывающей победу социализма в восточных республиках. Их немецкие соответствия стали, наверное, необходимым компонентом также языка газет, издававшихся в СССР на немецком языке.

Страноведческая лексика

Кроме ориентализмов, страницы РНС (его правую часть) заполнили необычные соответствия лексики, называющей русские реалии, т. е. своего рода особые руссизмы. Эту – по сути дела – страноведческую лексику мы условно распределили на две группы: собственно страноведческую лексику и советизмы. Условность нашей классификации заключается в том, что советизмы (слова, называющие предметы и явления, связанные с советским образом жизни) принадлежат страноведческой лексике, составляя в ней, однако, весьма своеобразный слой.

А. Собственно страноведческая лексика

Кулинарная лексика

Итак, среди собственно страноведческой лексики следует назвать – в первую очередь – наименования из области кулинарии. Точно так же, как и ориентализмы, русская кулинарная лексика оказалась сложной для передачи на немецкий язык. А. Ф. Несслер прибегал к приему транслитерации, ср.:

Borschtsch, *Mangoldsuppe*, *Betensuppe* (статья *борщ*, с. 85); WDGS, EWDS не фиксируют, но ср. запись в WSPNNP: *Borschtsch* – *barszcz* и – еще интереснее – *Barschtch* в SPN в статье *barszcz*;

Botwinia, *russische Kaltschale* (статья *ботвинья*, с. 85); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: *ботвинья* ‘Холодное кушанье из кваса, вареной зелени (шпината) и рыбы’).

В обоих случаях решение А. Ф. Несслера следует признать правильным. Как *борщ*, так и *ботвинья*, – это особые русские супы, для которых не было подходящих готовых немецких названий (О других предложенных, менее удачных, соответствиях см. ниже).

Своеобразным примером формально-семантического заимствования из русского языка является *Plinse*, переводной эквивалент ласкательно-уменьшительных форм *блинок*, *блинчик*, ср.:

Plinse (статья *блинок* и *блинчик*, с. 79); фиксируется WDGS (т. 4, с. 2819): «die; -, -en landsch. bes. ostmitteldt. Eierkuchen, Kartoffelpuffer», в EWDS (с. 450) указание на русское⁵² происхождение: «F. Russ. blines, Verkl. zu blin ‘dunner Buchweizenkuchen, in der Pfanne gebacken und gerollt’, gelangt als Flinze nach Preußen, als Flinsen in die Altmark, als Plinze, Plinse nach Schlesien, Sachsen, Thüringen»; кроме того, слово включено в WSPNNP: *Plinse*, *reg. blin*, но нет его в НРС.

Это, конечно, заимствование, известное и другим носителям немецкого языка, однако очень частотное именно в языке советских немцев.

Кроме транслитерации и применения русизма, А. Ф. Несслер прибегал также к подаче неточного, но близкого по семантике соответствия, ср.:

Betensuppe (статья *борщ*, с. 85); это – скорее всего – соответствие русского *борщок* ‘суп из свекольного отвара без других овощей’⁵³, чем борщ ‘суп со свеклой и другими овощами’ (ТСРЯ); см. выше *Borschtsch*;

Mangoldsuppe (статья *борщ*, с. 85); это соответствие русского *свекольник* ‘суп из молодой свеклы и свекольной ботвы’⁵⁴; см. выше *Borschtsch*;

Pfannkuchen (статья *блин*, с. 79); это слово употребляется в других значениях, чем входное русское *блин*, ср. в ТСРЯ: *блин* ‘Очень тонкая круглая лепешка из жидкого теста, испеченная на сковородке’ и *Pfannkuchen* в WDGS (т. 4, с. 2774): «der landsch. 1. meist aus Hefeteig bestehendes kugelförmiges, mit Marmelade gefülltes, in siedendem Fett gebackenes Gebäck: frische (Berliner) P.; zu Silvester werden P. gegessen; salopp scherzh. aufgehen wie ein P. (dick werden) 2. Eierkuchen, Omelett: den P. in der Pfanne wenden»;

⁵² Однако ЭСРЯ указывает на славянское, а не русское происхождение этого слова в немецком языке, ср.: «нов.-в.-н. *Plinse* ‘блин, свернутый трубочкой, заимств. из слав.’». А. Баньковски (ESJP), в свою очередь, осторожно предполагает лужицкое происхождение слова, ср.: «nm. dial. *blinze, plinze, plinse* (z tuž.?)» (в ESJP немецкие существительные записываются – вопреки законам орфографии – со строчной буквы).

⁵³ Определение по СРЯ.

⁵⁴ См. СРЯ.

(*runder*) *Ringel* (в статье *бублик*, с. 91); WDGS, EWDS не фиксируют значения; *Ringel* – это просто ‘колечко, кружочек’, в то время как *бублик* обл. ‘Толстая баранка из заварного теста’ (ТСРЯ).

Своеобразная русская кулинарная лексика нуждалась в удобных, однословных немецких эквивалентах, так как немцы, как и все жители СССР, питались в столовых с однообразным по всей стране меню: *борщ*, *блинчики*, *плов*, *тефтели*... и, общаясь на родном языке, должны были называть эти чужие блюда немецкими словами.

Названия музыкальных инструментов и их дериваты

С проживанием в чужой стране связана также необходимость приспособить к своему коду названия народных музыкальных инструментов и их дериваты. В нашу выборку попало несколько немецких слов, соответствующих подобной русской лексике. Переводя их, А. Ф. Несслер использовал транслитерацию, ср.:

Ziehharmonika «*Bajan*» (статья *баян*, с. 50); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: ‘Музыкальный инструмент, большая гармоника со сложной системой ладов’ [По имени сказочного древнерусского поэта Баяна, упоминаемого в «Слове о полку Игореве»]).

Как переводной эквивалент был введен русизм (формально-семантическое заимствование), довольно распространенный в немецком языке, употребляемом в Германии, ср.:

Balalaika (статья *балалайка*, с. 50); фиксируется WDGS (т. 1, с. 410): «die; -, -s/Balalaiken <russ.> dreieckiges Zupfinstrument der russischen Volksmusik mit drei Saiten», кроме того, слово включено в WSPNNP (ТСРЯ: *балалайка* ‘Трехструнный щипковый и бряцательный инструмент с треугольной декой’).

А. Ф. Несслер образовал дериват от этого русизма, используя обычный для немецкого словообразования прием, ср.:

Balalaikspieler (статья *балалаечник*, с. 50); WDGS, EWDS, фиксируя *Balalaika* и *Spieler*, указанного образования не отмечают (ТСРЯ: ‘Музыкант, играющий на балалайке’).

В случае же деривата русского слова *баян*, а именно *баянист*, в качестве переводного эквивалента дано немецкое слово с более широкой, общей семантикой:

Ziehharmonikaspieler (статья *баянист*, с. 56) (ТСРЯ: нов. ‘Гармонист, играющий на баяне’).

Названия одежды

К собственно страноведческой лексике обычно принадлежат также названия одежды. В нашу выборку попало одно⁵⁵ интересное слово – название характерного головного убора – *будёновка*:

russische Helmmütze (статья *будёновка*, с. 91); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ – нов., разг. ‘Красноармейский шлем особого образца [По фамилии командира первой конной армии Буденного]’).

Это интересное русское новообразование А. Ф. Несслер перевел описательным способом, указав денотат наиболее общим образом.

Наименования представителей животного мира

Из названий типичных представителей животного мира, также включаемых в страноведческую лексику, в РНС (в пределе буквы *B*) нам встретилось всего одно существительное. Оно переведено описательным способом, ср.:

(*russisches*) *Lastpferd* (статья *битюг*, с. 75) (ТСРЯ: ‘Русская рабочая лошадь’).

Б) Советизмы

Политические термины

Проживая в СССР и общаясь на немецком языке, немцы вынуждены были приспособить к системе родного кода русские названия, связанные с политикой новой страны. Подобными словами изобилвала вся советская пресса, их соответствия неизбежно должны были появиться и в советской прессе на немецком языке. Часть подобной лексики со временем (после Второй мировой войны) стала повсеместно употребляться в ГДР, однако – по всей вероятности – часть ее первыми ввели в употребление и пользовались ею именно немцы, заселявшие СССР в межвоенный период. Ниже приводятся примеры особой политической лексики, выписанные из РНС (предел буквы *B*):

Basmatsch (*kontrrevolutionärer Räuber in Turkestan*) (статья *басмач*, с. 55); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: полит. и нов. тюрк. ‘Бандит, участник контрреволюционного движения в Туркестане’);

Bolschewik (статья *большевик*, с. 83); запись в WDGS (т. 1, с. 648): «der; -en, Bolschewiki <russ.> dial. Mat. S. Bolschewist» (ТСРЯ: полит. 1. ‘Первонач. Член революционного большинства Российской социалдемократической рабочей партии [...]; 2. Член ВКП(б), иногда – член коммунистической партии всякой страны; 3. Стойкий, последовательный, не знающий колебаний рево-

⁵⁵ Кроме указанных выше ориентализмов *башлык* и *бурка*.

люционный марксист-ленинец'; НРС – *Bolschewik, bolschewistisch*; WSPNNP: *bolsche'wistisch*);

Bolschewikin (статья *большевичка*, с. 83); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: женск. к *большевик*);

bolschewisieren (статья *большевизировать*, с. 83); в WDGS (т. 1, с. 648): «bolschewisierte, hat bolschewisiert <russ.>; etw. nach den Prinzipien des Bolschewismus gestalten: die Partei wurde bolschewisiert; dazu Bolschewisierung, die; -; -en» (ТСРЯ: нов. полит. 'Усилить <усиливать> в ком-чем-н. больш вистский элемент; сделать <делать> кого-н. подлинным большевиком');

Bolschewisierung (статья *большевизация*, с. 83); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: нов. действие по глаг. *большевизировать*);

Bolschewismus (статья *большевизм*, с. 83); в WDGS (т. 1, с. 648); «der;, /ohne Pl./ <russ.> Theorie und Taktik des revolutionären marxistischen Flügels in der russischen Arbeiterbewegung mit dem Ziel, die Diktatur des Proletariats zu verwirklichen: der Sieg, eine Errungenschaft des B.; der B. schuf staatliche Großbetriebe; dazu Antibolschewismus» (ТСРЯ: полит. 1. 'Революционно-марксистское течение [...]'; 2. перен. 'Идеология стойкого, не знающего колебаний революционера-большевика');

Bolschewist (статья *большевик*, с. 83); в WDGS (т. 1, с. 648): «der; -en, -en <russ.> Angehöriger des Bolschewismus; dazu bolschewistisch /Adj./»; (ТСРЯ аналогичного *большевист* не фиксирует);

bolschewistisch (статья *большевистский*, с. 83); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: прил. к *большевик* и *большевизм*);

Parteibillet (статья *билет: партийный билет*, с. 74); WDGS, EWDS не фиксируют; в общенемецком языке употребляется существительное *Parteibuch* (ср. также в WSPNNP: *Parteibuch – legitymacja partyjna*)⁵⁶;

Reiter der Armee von Budjonny (статья *будёновец*, с. 91) (ТСРЯ новообразования *будёновец* не фиксирует, но вводит другой дериват от фамилии командира: *будёновка*, ср. выше *russische Helmmütze*);

Weißbandit (статья *белобандит*, с. 65) (ТСРЯ – нет); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ новообразования *белобандит* не ввел);

chinesischer Weißgardist (статья *белокитаец*, с. 65) (ТСРЯ – нет); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ новообразования *белокитаец* не ввел);

Weißemigrant (статья *белоэмигрант*, с. 65); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: – нов. 'Контрреволюционер, находящийся в эмиграции: белый эмигрант'⁵⁷).

⁵⁶ В WDGS (т. 4, с. 2743-2744) зарегистрированы 62 двухкомпонентных слова (главным образом имена существительные) с начальным компонентом *Partei-*.

⁵⁷ ТСРЯ фиксирует также прилагательное *белоэмигрантский*, довольно, видимо, в то время употребительное, ср. примечание в статье *большевицкий*: «Употр. в белоэмигрантской печати» (с. 171).

Своеобразной политической терминологии в НРС много, в словник вводились даже новообразования эфемерного характера (в роде *белобандит*, *белокитаец*, *белоэмигрант*, *будёновец*), нередко не зафиксированные даже ТСРЯ, основным словарем русского того времени. Кроме того, регистрировались всевозможные дериваты новообразований, особенно от слова *большевик*. А. Ф. Несслер справлялся со сложной задачей подбора для этой трудной лексики немецких переводных соответствий, применяя транскрипцию или формально-семантическое калькирование (ср.: *Basmatsch*, *Bolschewik*), а также вводя структурные (словообразовательные) кальки (ср.: *Weißbandit*, *Weißemigrant*), кальки структурно-семантические (ср.: *Partebillett*), дериваты, образованные от заимствованной основы (ср.: *Bolschewisierung* и под.), а также прибегая к описательным эквивалентам русского слова (ср.: *chinesischer Weißgardist*, *Reiter der Armee von Budjonny*). Важно подчеркнуть, что всего несколько советизмов, отмеченных НРС, зафиксированы словарями (обще)немецкого языка. Это одни дериваты от руссизма *Bolschewik* (*Bolschewik*, *bolschewisieren*, *Bolschewismus*, *Bolschewist*).

Лексика, называющая советский образ жизни

Здесь сгруппированы наименования понятий и явлений, появившихся в новых, послереволюционных социальных условиях, характерных именно для Советского Союза и не выступающих, как правило, за его пределы.

Barfüßer, *Lumpenproletarier* (статья *босяк*, с. 85); в WDGS (т. 1, s. 421): «der; -s, - vgl. - füßermönch» (ТСРЯ ‘Представитель деклассированных слоев города; оборванец’);

Brotlosigkeit (статья *бесхлебица*, *бесхлебье*, с. 72); запись в WDGS (т. 1, с. 678), но в другом значении: «die geringe Verdienstmöglichkeit: die B. eines Kunstzweiges»⁵⁸ (ТСРЯ: *бесхлебица* простореч. ‘Общий недостаток в хлебе, голодовка при недороде’; *бесхлебье* не зафиксировано);

Brotmangel (статья *бесхлебица*, *бесхлебье*, с. 72); WDGS, EWDS не фиксируют; см. выше *Brotlosigkeit*;

Verwahrloste(r) (статья *беспризорник*, с. 70); в WDGS (т. 6, с. 4139): *verwahrlosen* «verwahrloste, verwahrlost; unordentlich werden, nicht (mehr) gepflegt werden: seine Wohnung, ein Gebäude v. lassen; ein verwahrloster Garten; sein Äußeres ist (ganz) verwahrlost; verwahrloste Kleidung; herunterkommen: der Jugendliche war damals in der Großstadt verwahrlost; sittlich v.; dazu Verwahrlosung, die; -, -en /Pl. ungebräuchl./»

(ТСРЯ: нов. ‘Беспризорный подросток’. *В развалинах дома ночуют беспризорники*);

⁵⁸ ‘Ничтожные возможности зарабатывать’.

Verwahrlosung (статья *беспризорность*, с. 70); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: Отвлеч. сущ. к *беспризорный* <книжн.>); ср. в WSPNNP: *Ver'wahrlosung* – *zaniedbanie, zapuszczenie; von Kindern* – *zaniedbanie, brak opieki*);

Warenmangel (статья *бестоварье*, с. 72); WDGS, EWDS не фиксируют (ТСРЯ: газет. 'Недостаток, отсутствие товаров');

Zellenleitung (статья *бюро: бюро коллектива* <или *ячейки*> с. 98); WDGS, EWDS не фиксируют.

Передавая на немецкий язык названия, связанные с реалиями жизни в Советском

Союзе, А. Ф. Несслер применял слова, уже имеющиеся в немецком языке, немногим изменив, обычно расширив, их семантику, или же создавал нужные слова из уже имеющихся в языке компонентов. Редкие из этих лексем, несомненно необходимых советским немцам, фиксируются немецкими словарями.

Аббревиатуры

Одним из самых характерных признаков советского варианта русского языка было наличие в нем огромного числа различных сложносокращенных слов, в том числе – буквенных аббревиатур. В других европейских языках аббревиация стала бурно развиваться после Второй мировой войны. Естественно, составители московских переводных словарей с советским русским языком как входным включали, как правило, всякие сокращения в свои словники⁵⁹. Однако – из-за асимметрии в развитии аббревиации в русском и других языках – у них появлялись затруднения в подборе иноязычных соответствий. Аналогичное явление наблюдается в нашем РНС, ср.:

Burjätisch-Mongolische Autonome Sozialistische Sowjetrepublik как эквивалент рус. *Бурято-Монгольская АССР* (с. 95);

*Weißrussische Sozialistische Sowjetrepublik*⁶⁰ как эквивалент аббревиатуры *БССР* (*Белорусская Советская Социалистическая Республика*) (с. 91).

Аббревиатура же *БСЭ* = *Большая Советская Энциклопедия* (с. 91) вообще осталась без перевода.

Протаскивание коммунистической идеологии

Заканчивая наш анализ особенностей раннего варианта советского немецкого языка, необходимо отметить один из самых характерных методов воспитания граждан в духе коммунизма, а именно вездесущие попытки протаскать

⁵⁹ Ср. P. Tomasiak, *Ideologia...*; J. Mędelska, *Skrótownce porewolucyjne w pierwszych radzieckich słownikach dwujęzycznych*, „Acta Baltico-Slavica”, 2010 (в печати).

⁶⁰ Здесь имеем дело с непоследовательностью орфоэпического облика немецкого слова: *Sowjetrepublik*, ср. выше: *Sowjetrepublik*.

свою идеологию (любым способом, в любом месте)⁶¹. В РНС эта навязчивая идеологизация отражена в подборе текстовых иллюстраций для заголовочных слов, ср.:

статья **беззаветный** (с. 61): *беззаветная поддержка партии die unbegrenzte Unterstützung der Partei*;

статья **боевой** (с. 81): *боевой характер ленинизма der kampflustige (или kämpferische) Charakter des Leninismus*; *партия – боевой штаб пролетариата die Partei ist der Armeestab des Proletariats*;

статья **бой** (с. 81): *революционно-классовые бои revolutionäre Klassenkämpfe*;

статья **борьба** (с. 85): *классовая борьба Klassenkampf*; *борьба с буржуазными тенденциями Kampf, gegen die (или mit den) bürgerlichen Bestrebungen (или Tendenzen)*;

статья **бюджет** (с. 97): *бюджет рабочего Arbeiterhaushalt*;

статья **братъ** (с. 87): *братъ на себя обязательства по соцсоревнованию Verpflichtungen im sozialistischen Wettbewerb eingehen** (s);

статья **буржуазный** (с. 94): *буржуазный предрассудок spießiges Vorurteil*;

статья **бюро** (с. 98): *бюро коллектива (или ячейки) Zellenleitung*.

Итоги

Анализ показал, что московский *Русско-немецкий словарь* под редакцией А. Ф. Несслера, отражая русские новообразования ранней советской эпохи, в какой-то степени отразил и послереволюционный вариант языка немецких скопленников, проживавших в Советском Союзе и – в рамках новой ленинской национальной политики – пользующихся некоторой автономией, в том числе – языковой.

Можно предполагать, что – согласно словам самого составителя РНС, А. Ф. Несслера, – подбирая немецкие переводные эквиваленты для ранних русских советизмов, он широко использовал местную новую лексику, введившуюся в обиход советскими немцами, и лишь изредка сам образовывал нужные немецкие соответствия, применяя уже имевшиеся в немецком языке словообразовательные элементы и способы деривации.

Однако верный ответ на вопрос, которые из отмеченных нами особенностей немецкого словарного состава действительно принадлежали советскому немецкому языку, а которые из них были всего лишь бумажными образованиями, даст эксцерпция этой огромной, массовой литературно-газетной продукции, осуществлявшейся на немецком языке в Советском Союзе в период между мировыми войнами, о которой шла речь во вступительной части настоящей статьи.

⁶¹ Напр. в азбуку для маленьких школьников, в книжки для детей (ср.: J. Mędelska, *Siedmiolatki...*).

Литература

1. Cechosz I., Dzięgiel E., *Materiały archiwalne do historii języka polskiego na Ukrainie Sowieckiej przy końcu lat dwudziestych*, [w:] J. Rieger (red.), *Język polski dawnych Kresów Wschodnich. Tom I. Studia i materiały*, Warszawa 1996, s. 201-221.
2. Graczykowska T., *Język cyklu reportaży „Płomień i próchno” Wandy Wasilewskiej na tle polszczyzny radzieckiej*, „Linguistica Bidgostiana” II, 2005, s. 96-105.
3. Graczykowska T., *Język polski w Rosji Radzieckiej w okresie międzywojennym a polszczyzna na Białorusi Radzieckiej (na materiale wybranych zagadnień fleksji rzeczownika)* (в печати).
4. Graczykowska T., *Rusycyzmy i sowietyzmy we Wspomnieniach Wandy Wasilewskiej*, „Linguistica Bidgostiana” IV, 2007, s. 158-170.
5. Graczykowska T., *Rusycyzmy i sowietyzmy w tekstach Tomasza Dąbala (przedstawiciela polskich komunistów przebywających w okresie międzywojennym w ZSRR)*, [w:] E. Laskowska, M. Jaracz (red.), *Język, historia, polityka*, Bydgoszcz 2007, s. 39-49.
6. Graczykowska T., *Wpływ sytuacji politycznej na jakość polszczyzny tygodnika „Trybuna Radziecka” wydawanego w ZSRR w dwudziestoleciu międzywojennym*, [w:] E. Laskowska, M. Czachorowska (red.), *Język, społeczeństwo, wartości*, Bydgoszcz 2008, s. 137-149.
7. Grek-Pabisowa I. (oprac.), *Materiały do historii języka polskiego na Białorusi Radzieckiej*, „Acta Baltico-Slavica” XXVI, 2001/2002, s. 179-272.
8. Grek-Pabisowa I., *Wokół monografii Czesława Dąbrowskiego pt. Ze słownictwa i gramatyki języka ludności polskiej na Białorusi Sowieckiej*, „Acta Baltico-Slavica” XXVIII, 2004, s. 9-34.
9. Grek-Pabisowa I., *Z badań języka polskiego na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym*, [w:] A. Kuczyński, M. Michalska (red.), *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie. Tradycja i współczesność*, Wrocław 2004, s. 141-149.
10. Grek-Pabisowa I., Ostrówka M., Biesiadowska-Magdziarz M., *Język polski na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym. Polszczyzna mówiona*, Warszawa 2008.
11. Grek-Pabisowa I., Ostrówka M., Biesiadowska-Magdziarz M., *Język polski na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym. Polszczyzna pisana*, Warszawa 2008.
12. Iwanow M., *Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921-1939*, Warszawa – Wrocław 1991.
13. Jasiński B., *O rewolucję językową*, „Kultura mas” 1929, nr 1-2, s. 11-13.
14. Jasiński B., *Twórzmy polski język radziecki!*, „Kultura mas” 1930, nr 3-4, s. 5.

15. Jaworski K., *Bruno Jasiński w sowieckim więzieniu. Aresztowanie, wyrok, śmierć*, Kielce 1995.
16. Lebioda T., *Niemcy rosyjscy w polityce RFN na tle ich znaczenia w Rosji i relacjach niemiecko-rosyjskich w latach 1763-2003*, Wrocław 2004.
17. Mędelska J., *Siedmiolatki i polityka. Język kowieńskich Nowych czytaneł*, [w:] E. Laskowska, M. Jaracz (red.), *Język, historia, polityka*, Bydgoszcz 2007, s. 101-112.
18. Mędelska J., *Skrótowce porewolucyjne w pierwszych radzieckich słownikach dwujęzycznych*, „Acta Baltico-Slavica” XXXII, 2010 (в печати).
19. Mędelska J., Cieszkowski M., *O potrzebie podjęcia badań nad radziecką wersją języków mniejszości narodowych byłego Związku Radzieckiego*, „Acta Baltico-Slavica” XXXII, 2010 (в печати).
20. Mędelska J., Marszałek M., *Język polski na Białorusi Radzieckiej okresu międzywojennego (kilka uwag na gorąco)*, „Acta Baltico-Slavica” XXVII, 2003, s. 63-71.
21. Mędelska J., Marszałek M., *Kułak czy gbur? Rozterki twórców polszczyzny radzieckiej*, „Przegląd Polonijny” XXVI, 2000, № 3, s. 121-139.
22. Mędelska J., Marszałek M., *Twórzmy słownik polskiego języka radzieckiego!*, „Poradnik Językowy” 2000, № 8, s. 38-48.
23. Mędelska J., Marszałek M., *Z badań nad językiem Polonii radzieckiej lat 1917-1939*, [w:] Ł. M. Szewczyk, M. Czachorowska (red.), *Język polski w rozwoju*, Bydgoszcz, 2001, s. 111-121.
24. Stroński H., *O władaniu mową ojczystą przez ludność polską na Ukrainie w połowie lat dwudziestych*, [w:] J. Rieger (red.), *Język polski dawnych Kresów Wschodnich. Tom I. Studia i materiały*, Warszawa 1996, s. 175-199.
25. Szydłowska-Cegłowa B., *Język polski w Rosji porewolucyjnej i ZSRR (do roku 1935)*, „Język Polski” LXXVII, 1997, nr 4-5, s. 251-258.
26. Tomasik P., *Ideologia w skrócie. Obraz Związku Radzieckiego lat 20. XX w. utrwalony w skrótowcach rosyjskich*, [w:] E. Laskowska, M. Jaracz (red.), *Prace Komisji Językoznawczej BTN. Język, historia, polityka*, Bydgoszcz, 2007, s. 161-165.

* * *

1. Герман А. А., Плева Н. Р., *Немцы Поволжья: краткий исторический очерк*, Саратов 2002.
2. Глотов А., *Образ советской действительности 30-х годов в польско-русском и русско-польском словаре московского издания 1941 года (моральный и культурный аспекты)*, [w:] A. Bartoszewicz (red.), *Польско-всходно-словаńские powiązania kulturowe, literackie i językowe. 2.: Językoznawstwo i translatoryka*, Olsztyn 1994, s. 249-256.

3. Дуличенко А. Д., *Русский язык конца XX столетия*, München 1994.
4. Киселева И., *Советский польский язык в России до II Мировой войны*, [w:] E. Laskowska, M. Jaracz (red.), *Język, historia, polityka*, Bydgoszcz 2007, s. 87-92.
5. Костомаров В. Г., *Перестройка и русский язык*, „Русская речь” 1987, № 6, с. 3-11.
6. Костомаров В. Г., *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*, Москва 1994.
7. Маршалэк М., *Из исследований над советским польским языком (1917-1939)*, „Zinatniskie Raksti” III, Riga 2001, s. 167-173.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., *Толковый словарь языка Совпедии*, Санкт-Петербург 1998.
9. Мэндэльская И., *Об изучении послереволюционной разновидности советского польского языка* (w druku).
10. Мэндэльская И., *О языке польских меньшинств в СССР в 20-е-30-е годы XX века*, в сб.: *Вторые Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения*, Севастополь 2009, с. 154-161.
11. Мэндэльская И., *Проблемы исследования послереволюционного варианта советского польского языка*, „Scando-Slavica” 47, 2001, s. 53-61.
12. Мэндэльская И., *Советский польский язык как новый объект лингвистических исследований. К постановке вопроса*, „Zinatniskie Raksti” III, Riga 2001, с. 174-180.
13. Селищев А. М., *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)*, Москва 2003.

Сокращения словарей

- ESJP – A. Bańkowski, *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. 1-, Warszawa 1986-.
- EWDS – Friedrich Kluge, Alfred Götze, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, Berlin 1948.
- SPN – P. Kalina, *Słownik polsko-niemiecki*, Warszawa 1956.
- WDGS – *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Herausgegeben von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz, Bd. 1 (1969), 5. Auflage, Berlin: Akademie-Verlag, Bd. 2 (1968), 2. Auflage, Berlin: Akademie-Verlag, Bd. 3 (1970), Berlin: Akademie-Verlag, Bd. 4 (1975), Berlin: Akademie-Verlag, Bd. 5 (1976), Berlin: Akademie-Verlag, Bd. 6 (1978), 2. Auflage, Berlin: Akademie-Verlag.
- WE PWN – J. Wojnowski (red.), *Wielka Encyklopedia PWN*, t. 13, Warszawa 2003.

WSPNNP – U. Czerna, S. Walewski (oprac.), *Wielki słownik polsko-niemiecki niemiecko-polski*, Berlin – Monachium – Warszawa – Wiedeń – Zurych – Nowy Jork 2005.

* * *

НРС – Н. В. Глен-Шестакова, Б. В. Линднер, А. О. Орлова, И. В. Рахманов (ред.), *Немецко-русский словарь*, Москва 1983.

НССРЯ – Е. Г. Коваленко (ред.), *Новый словарь сокращений русского языка*, Москва 1995.

СРЯ – А. П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка*, т. 1-4, Москва 1981-1984.

ССРЛЯ – В. И. Чернышев (ред.), *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1-17, Москва – Ленинград 1948-1965.

СССРЛ – Р. П. Рогожникова (ред.), *Сводный словарь современной русской лексики*, т. 1-2, Москва 1991.

ТСРЯ – Д. Н. Ушаков (ред.), *Толковый словарь русского языка*, т. 1-4, Москва 1935-1940.

ЭСРЯ – М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1-4, Москва 1986.

SUMMARY

The early soviet dialect of the german language (based on the *German-Russian Dictionary* by A. F. Nessler)

The Germans settled in the Russian territories very early with the arrival of German missionaries and merchants and intermarriages between noble families. In the 15th and 16th century, German doctors, pharmacists, legal professionals, architects, craftsmen, and other specialists moved to Russia. The German population in Russia increased during the reign of Peter I, who invited foreigners to join the Russian army in exchange of various privileges. A mass influx of the Germans to Russia took place during the rule of Catherine II. The tsarina brought, mainly to the Ukraine and the Volga Region, thousands of settlers who were to be models of diligence and resourcefulness for Russian peasants and land owners. At the close of the 19th century nearly 2 million Germans lived there.

After the October Revolution, the first Soviet census showed that 1 238 000 citizens of the German descent lived in the Soviet Union. It was the largest national minority with the historical homeland outside the Soviet Union.

Like all the other national groups, the Germans were subjected to violent Sovietization (nationalization of property, collectivization, cultural and language autonomy that facilitated indoctrination) and then severe repression (requisitions, starvation, exile, forced

labour camps). In 1923, The Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic was established. In the mid-1930s, as a consequence of the growth of fascism, the press run some anti-German campaigns. After the German invasion on the Soviet Union, the Volga Germans were deported to Siberia and Kazakhstan.

The language of the Soviet Germans differed from the standard German. This dialect can be analysed by looking through German newspapers, books, handbooks, and propaganda materials published in large numbers in the interwar period in the Soviet Union. The Russian-German dictionary published in Moscow in 1934 is a valuable source for an analysis of the Soviet dialect of the German language. The dictionary reflected such distinctive features of the dialect as an excess of orientalisms easily transferred from the languages of Soviet nations, the presence of odd neologisms to describe the new Soviet reality and Russianisms not used in the standard German.